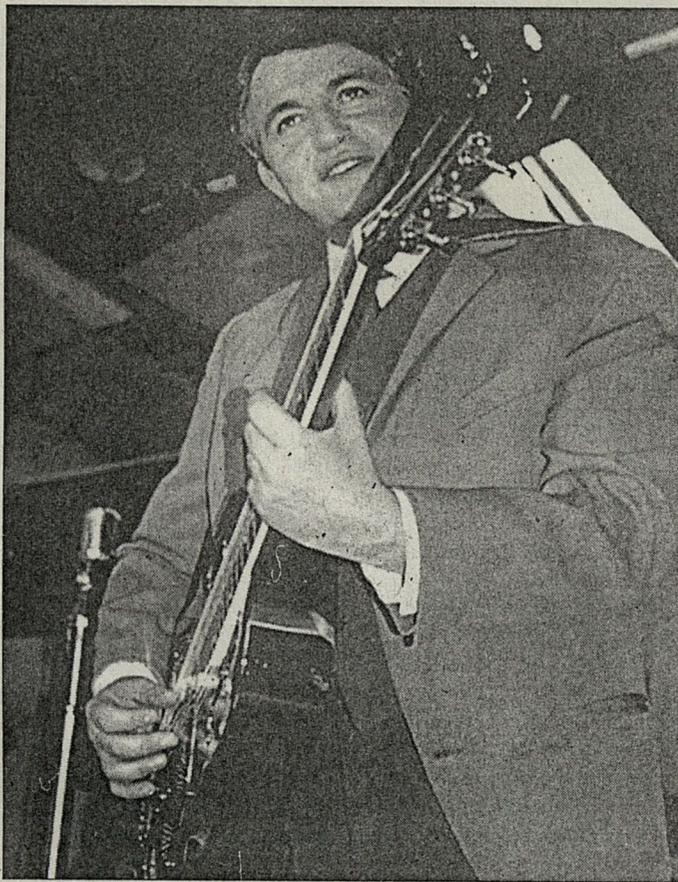

Старинные люди, мой батюшка

Медиальные музыканты Дибров и Макаревич взялись за корни

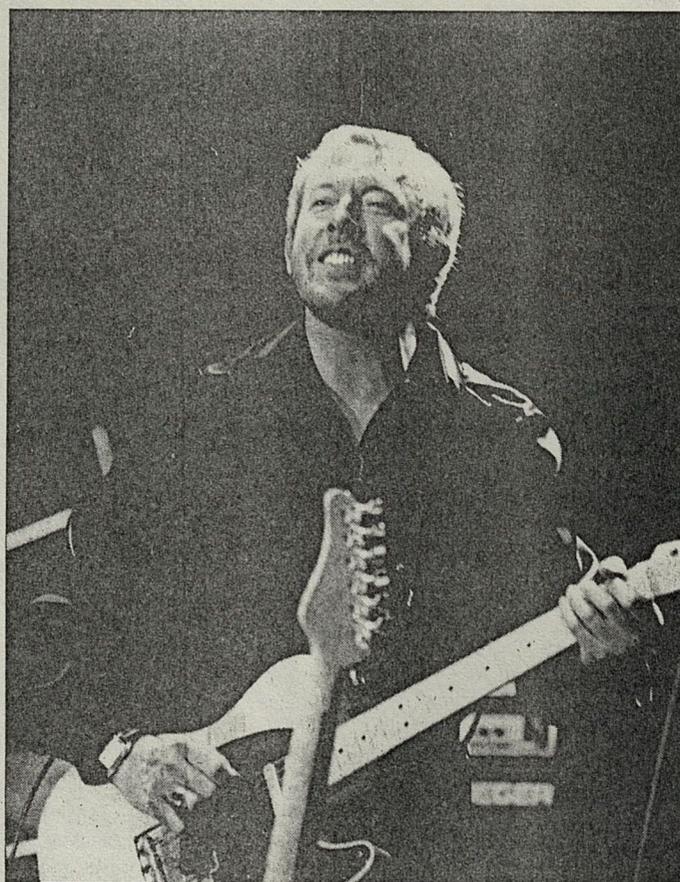
Алексей Крижевский

Андрей Макаревич и Дмитрий Дибров пытаются сделать одно и то же: уместить гитару с телевизором на пространстве собственной карьеры. У Макаревича – собственная студия-кухня, в которой он проводит три дня в месяц, у Диброва дома – напоминающая по звуку банджо железная гитара National в черном чехле, который она покидает, когда в гости приезжают Чиж или Гребенщиков. И Дибров, и Макаревич уютно себя чувствуют под сенью кумачового лозунга «Держаться корней»: и если Дибров ему следует, выбирая для своей дебютной пластинки «Ром и пепси-кола» песни Майка Науменко, заворачивая их во всякое модное и получая ароматный архаический продукт, то «Машина времени» думает, что взбунтовалась, когда записывает в продюсеры своего свежего диска «Место, где свет» бывшую поп-звезду, а ныне нового и самого «компьютеризированного» музыканта древнего коллектива Андрея Державина, и получает на выходе альбом с самым бодрым «молодежным» звуком за всю свою историю.

Гитару Би Би Кинга звали Люсил. Имени гитары Диброва никто не знает.

Фото Real Records

Вот так выглядит энергетический обмен со зрителями.

Фото Натальи Будановой

Дмитрий Дибров: «Моя музыка для тех, кому клево и хреново»

– Мы с вами встречаемся в исторический момент – мы только что поставили последнюю точку, свели «Похмельный блюз» Майка. У БГ с Науменко, по легенде, ушло пять минут на его сочинение, а у меня вот – полгода на его запись.

– Сначала я должен, как водится, спросить у вас про истоки...

– Я всегда хотел быть битлом, за исключением тех моментов, когда мне хотелось стать «пинкфлюйдом» или «дипперлом». Я помню, тогда именно последние были для нас таким ответом всем завучам, серым панельным поликлиникам и рыбе этой вечной ростовской! У меня была чуть ли не единственная в России их настоящая пластинка In Rock, на которой (никто этого не знает) были их комментарии к каждой песне. Я помню, как Deep Purple откомментировали песню Speed King, которой этот альбом открывался: «Несколько пересаженных корней». Вот наш альбом песен Майка «Ром и пепси-кола» – это, выражаясь обще, и есть несколько пересаженных корней.

– Теперь вы решили побыть Майком Науменко?

– Мой друг Андрей Шепелев, вокруг которого вечно бродят люди, привязанные ко всякой сельской

американской музыке, как-то дал мне послушать некоего Александра Новоселова, который играет слайдом на железной гитаре. Я послушал – боже мой, человек играет, как Клэптон! Тащи его скорей ко мне в «Антропологию», закричал я. Через некоторое время мы уже играли с ним в две гитары так, как будто делали это всю жизнь. Я ему сыграл Майка, правда в более современной интерпретации: как показывает опыт, Науменко в первоизданном виде часто отпугивает. Сказал, мол, это первый русский блюзмен. Саша сказал – делай группу, играть это, и немедленно. А я не имел никакого представления о том, как собирать группу. Раньше ведь как: если в школе появляется ударная установка, то она мгновенно «облепляется» группой. Пригласили очень хороших басиста, барабанщика, собрались на первую репетицию. Появилось ощущение, что все уже знаем и можем играть всю жизнь. Правда, обычным, «квадратным», блюзом играть не хотелось, стали придумывать, как сыграть, чтобы было нескучно...

– Вы назвали стиль группы «Антропология» «новым московским блюзом»...

– Берете у американских звукорежиссеров «петли», у московских диск-жокеев – повторяющиеся ритмические, мелодические и аранжировочные структуры и накладываете на традиционный миссисипский дельта-блюзовый мелос – получается оно самое. Я такого звука в Москве нигде не слышал, а раз нет в Москве, нет и нигде. Нас не уносит ни в традицию, ни в «кислотную» технобеллиберду – мы твердо знаем, что принесет слушателю наша музыка. Под облаткой отдельных модных звуков – корневой блюзовый посыл.

– Блюз считается музыкой грустных и симпатичных неудачников, аутсайдеров, а не «продвинутых» людей, которым, видимо, альбом ваш и адресуется.

– Альбом адресуется не тем, кому «плехо» или «хаг’а-а-шо», а тем, кому клево и хреново, можно одновременно. «Ром и пепси-кола» должен быть идеален в качестве фона для студенческой попойки. Я взял Майкову вязь и нарочно подал ее лекторским тоном, чтобы получилась... такая вакцина от занудства. Интересно, что Женя и Наташа Науменко одобрили мой вариант «Ром...», хотя, по их признанию, самому Майку песня никогда не нравилась.

– Возникает ощущение, что вы Майка немного причесали. На евроремонт получилось похоже.

– Не надо представлять себе Майка принципиальным бунтарем-нонконформистом в грязном свитере. Он, как и любой творческий талант, может дать тебе пищу со-

образно той ложке, с которой ты к нему подходишь. Когда тебе 17, ты хлебашь из нее пафос, в 40 – видишь в нем лиричного, тонкого и одинокого современного Хемингуэя. Он по-набоковски, по-чеховски даже умен, и главное – качествен в результатах того, что делает. И надо вытянуть это качество сквозь его грязный свитер. В том же Хэйт-Эшберри («хипповский» квартал Сан-Франциско, прославившийся в 60-е годы. – А.К.) можно жить свободным духом не потому, что можно не мыть волосы. С Майком та же история. Эстетизировать советский звук, кроме которого у «Зоопарка» ничего не было, глупо. Майк ценен своей текстоло-музыкальной поэтикой, а вот гитары лучше настроить.

– А вы не боитесь, что вас будут слушать как поющего телеведущего, а музыканта так и не слышат?

– Всякий раз, когда я выхожу с какими-то телевизионными проектами, что-то заставляет людей, отбрасывая неприязнь, которую я вызываю у половины телезрителей, смотреть то, что я делаю. Точно так же и с музыкой. Если в этой пластинке есть харизма, которая, как в случае с первой пластинкой Чижа, позволит ей выстрелить, значит, хорошо. И моя физиономия на телеэкране не окажет никакого влияния на ее популярность. Наобо-

род, если она окажется провальной, это отразится и на восприятии меня зрителем как телеперсоны. Моя фамилия дает мне шанс на первое прослушивание, и если я слушателя «зацеплю» на второе – значит, я выиграл.

Андрей Макаревич: «Я пою про то, про что поется»

– Новый звук вашего альбома призван бороться с былой позой «мне 300 лет, я выполз из тьмы»?

– А мы никогда над своим имиджем не работали. Если он и есть, то придуманный – поклонниками и журналистами. Петя Подгородецкий до ухода исполнял в команде функции пианиста, а не клавишника. Когда мы просили искать новые тембры, он подчинялся, но сам инициативы не проявлял. У Державина другой подход – он клавишник. Когда мы начали, он удивился, что мы не используем электронные краски и возможности компьютеров, и сам предложил много нехарактерных для нас аранжировочных решений. Мы поначалу брыкались, а потом увлеклись. Не думаю, что мы что-то кому-то доказывали. Кстати, песен в новом звуке на альбоме ровно половина, остальные вполне традиционны – блюзы, ну и тому подобное. Альбом получился разнородным, в духе 60-х. Сейчас ведь принято нахо-

дить звуковое лекало и весь альбом под него выпиливать.

– Ощущение, что альбом сделан «под» Державина и его новации.

– Так всегда бывало: когда к нам приходил новый музыкант, мы по максимуму выжимали из него то, чем новичок был непохож на нас. Я смотрю на три предыдущих наших пластинки и понимаю, что они записаны примерно в одном ключе. Эту пластинку – во многом благодаря ему – нам удалось сделать более многоплановой и плотной. Раньше, садясь в студию, мы приближали звук альбома к концертному варианту, а здесь все будет наоборот – будем переносить звук, придуманный на студии, на сцену.

– Ваша аудитория консервативна, любит вас за песню «Поворот» и «Марионетки», вы для нее – «традиция» и «постоянство». Как она воспримет ваши новшества?

– Собираетелного портрета нашего слушателя, надеюсь, никто нарисовать не может. Концерт – это энергетический обмен, а не сообщение нового материала или удачное проигрывание ранних удачных песен. Без «Поворота» нас не отпустят со сцены. Постоянство? От него недалеко до однообразия. Надеюсь, публика любит нас за то, что мы постоянно

пытаемся сделать что-то новое.

– В ваших песнях есть сквозной женский образ – такая женщина на грани девиации или личного нервного срыва. Теперь вот поклонница рок-звезд...

– Меньше всего на свете люблю заниматься литературным анализом своих песен. Сороконожка не знает, как ей удастся ходить, не спотыкаясь.

– Есть мнение, что Макаревич, мол, социальный певец, изредка обращающийся к лирике...

– Не согласен в корне. Уж если считать, то социально заряженных песен получится сильно меньше. В любом искусстве не важно «что», а важно «как». Я пою про то, про что поется.

– Обычно группа заканчивает альбом, и к моменту его появления уже уходит куда-то вперед. Где сейчас «Машина времени»?

– У нас все по-другому. Как только запишешь альбом, надо заниматься промоушном в его честь, ходить с радио на радио и попугаем повторять одно и то же.

– Вы принимали в расчет конъюнктуру «радиоформата», когда записывали альбом?

– Я – нет, просто слабо ее себе представляю и удовольствие получаю от старой музыки. Кутиков и Державин, наверное, да. Но не в ущерб тому, чего мы хотели достигнуть. Рэп пока не играем.

Макаревич Андрей